

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2022-92-3-105-111

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

© *Маржан Умаровна Сулейбанова¹, Тамара Бековна Хабусиева²*

¹*Чеченский государственный университет, г. Грозный;* ²*Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова, г. Грозный, Россия*
¹*sulejbanova.ru@mail.ru* ²*Khabusieva@mail.ru*

Аннотация. Исследуется структура, семантика и функционирование местоимений в нахских языках. Местоимения в грамматической структуре любого языка представляют собой одну из наиболее своеобразных лексико-грамматических категорий, как в плане семантики, так и с точки зрения структуры, что обуславливает необходимость типологического исследования особенностей местоимений как с точки зрения морфологии, так и в семантико-синтаксическом аспекте. Нахские языки используют калькированные термины: чеч. *цIеметдош* «имя+ вместо+ слово», инг. *цIарматдош* «имя+ место+ слово». Из этого следует, что при всем разнообразии проявления данной лексико-грамматической категории в языках различных типов имеется ряд универсальных свойств, присущих местоимениям всех или, по крайней мере, большей части языков.

Ключевые слова: структура, семантика и функционирование местоимений, нахские языки.

Для цитирования: Сулейбанова М.У. Хабусиева Т.Б. Личные местоимения в нахских языках // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 92. № 3. С. 105-111. doi: 10.18522/2070-1403-2022-92-3-105-111.

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Personal pronouns in the Nakh languages

© *Marzhan U. Suleybanova¹, Tamara B. Khabusieva²*

¹*Chechen state university, Grozny, Russian Federation;* ²*Grozny state oil technical university of academician M.D. Millionshchikov, Grozny, Russian Federation*
¹*sulejbanova.ru@mail.ru* ²*Khabusieva@mail.ru*

Abstract. It is examined the structure, semantics and functioning of pronouns in the Nakh languages. Pronouns in the grammatical structure of any language represent one of the most peculiar lexico-grammatical categories, both in terms of semantics and in terms of structure, which necessitates a typological study of the features of pronouns, both in terms of morphology and in the semantic-syntactic aspect. The Nakh languages use calque terms: chech. TsIemetdosh "name + instead of a hundred + word", ing. TsIarmatdosh "name + place + word". It follows from this that, with all the variety of manifestations of this lexico-grammatical category in languages of various types, there are a number of universal properties inherent in the pronouns of all or, at least, most of the languages.

Key words: structure, semantics and functioning of pronouns, Nakh languages.

For citation: Marzhan U. Suleybanova, Tamara B. Khabusieva Personal pronouns in the Nakh languages. *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 92. No 3. P. 105-111. doi: 10.18522/2070-1403-2022-92-3-105-111.

Введение

В статье исследуется структура, семантика и функционирование личных местоимений в нахских языках. Местоимения в грамматической структуре любого языка представляют собой одну из наиболее своеобразных лексико-грамматических категорий, как в плане семантики, так и с точки зрения структуры, что обуславливает необходимость типологического исследования особенностей местоимений, как с точки зрения морфологии, так и в семантико-синтаксическом аспекте.

Как в свое время было сформулировано Дж. Гринбергом в виде универсалии, "все языки имеют местоименные категории, включающие, по крайней мере, три лица и два числа" [2]. Им было предложено также еще три универсалии, касающиеся отношения местоимений к категории рода. И хотя в приведенном высказывании речь идет лишь о личных местоимениях, можно говорить об универсальном характере и других разрядов местоимений, хотя бы с точки зрения семантики. Специфика этой лексико-грамматической группы отражается и в терминологическом аппарате благодаря наличию соответствующих терминов: «Термины, выражающие в разных языках понятие «местоимение», восходят большей частью к античным грамматическим терминам – греческому *antonymia* или латинскому *pronomen*, которыми обозначались слова, используемые в качестве заменителей имен.

В современных западных языках либо сохранены классические термины (прежде всего латинский), например франц. *pronom*, англ. *pronoun*, фин. *Pronomini*, либо употребляются их калькированные переводы, например русское «местоимение», венгерское *nevmas*; в немецком значение термина несколько расширено: *Fürwort* 'заместитель слова' (дословно 'за слово'). Встречаются термины и другого рода. Так, в индийском языкознании местоимение называется *sarva*.

Обсуждение

Как показал У. Вейнрейх [1], к универсальной семантической структуре можно отнести, в частности, вопросительные слова, дейктические знаки и кванторы, чему в лексико-грамматической классификации соответствуют местоимения *napaa* «выражение для любого понятия» [5]. Нахские языки используют калькированные термины: чеч. *цIер-метдош* «имя+вместо+слово», инг. *цIарматдош* «имя+ место+ слово». Из этого следует, что при всем разнообразии проявления данной лексико-грамматической категории в языках различных типов имеется ряд универсальных свойств, присущих местоимениям всех или, по крайней мере, большей части языков. Тем более, это утверждение представляется верным по отношению к языкам, имеющим генетическую общность, каковыми являются нахские языки.

Склонение личных местоимений 1-го и 2-го лица

В чеченском, ингушском и бацбийском языках представлены следующие формы личных местоимений 1-го и 2-го лиц:

1-е лицо, единственное число:

в чеченском *со* (диалектный вариант),
в ингушском: *суо*, в бацбийском: *со(я)*.

2-е лицо, единственное число:

в чеченском *хьуо*, *хьо* (диалектный вариант),
в ингушском *хьуо*, в бацбийском *хьо(ты)*.

1-е лицо, множественное число (инклюзив):

в чеченском *вай*, *вей* (диалектный вариант),
в ингушском *вай*, в бацбийском *вай*, *вей (мы)*.

1-е лицо, множественное число (эксклюзив)

в чеченском *тхуо*, *тхо* (диалектный вариант),
в ингушском *вай*, в бацбийском *тхо (мы)*.

2-е лицо, множественное число:

в чеченском, ингушском, бацбийском *шу(вы)*

Прежде чем установить принцип склонения местоимений, необходимо разграничить падежные флексии и склоняемые основы с попутным выявлением тех или иных фонетических процессов, происходящих в них. Для установления фонетических процессов, наблюдаемых в местоименных формах, сначала нужно выделить падежные флексии для всех местоимений и затем проследить их фонетические изменения.

В связи с тем, что форма именительного падежа собственной флексии не имеет, а формы родительного и эргативного падежей стоят обособленно в системе склонения личных местоимений, сначала будут рассмотрены флексии дательного и послеложных падежей.

Диалектные варианты в склонении личных местоимений выявляют разные падежные флексии:

В чеченском языке

Флексия дательного падежа - *не* (чеберлойский диалект) восходит к - *на*; с другой стороны, флексия - *на* в бацбийском языке и хилдихаройском говоре (с. Омало Ахметского района Груз. ССР) кистинского диалекта чеченского языка переходит в -*н*- в результате усечения исходной гласной. Флексия множественного числа - *да* → *та*, *т* после *ш* (ассимиляция согласных) в ингушском языке и в говорах галанчоужского и кистинского диалектов чеченского языка, например в формах возвратных местоимений: *воашта*, *шоашта* и т.д.

В совместном падеже флексия - *це* (чеберлойский диалект), восходящая к - *ци*^н, ныне представленной в бацбийском языке и в чеченских формах, представленных у Услара, дает - *ца* в ингушском языке и почти во всех диалектах чеченского языка. Флексия - *ц* (хилдихаройский говор кистинского диалекта чеченского языка) восходит к - *це*, то есть -*це* - *ц* в результате усечения исходной гласной, следовательно, и → "е" → "а".

Флексия местного падежа - *ге* (чеберлойский диалект), восходящая к - *ги*, дает - *га*, которая после *ш* переходит в - *ка* в ингушском языке и в ряде наречий чеченского языка.

Флексия вещественного падежа - *х* во всех нахских языках и диалектах остается без изменений. Флексия сравнительного падежа - *л* ← *лла*.

В ингушском языке

Дательный падеж представлен флексией -*на*. Флексия совместного падежа -*ца* ← *це* ← *ци*^н. Местный падеж имеет флексию - *га* ← *ге* ← *ги*. О флексиях вещественного и сравнительного падежей см. выше.

В бацбийском языке

В дательном падеже мы имеем флексию -*н* ← *на*. Совместный падеж представлен флексией - *ци*^н. Флексия местного падежа -*го* ← *го*. В формах вещественного и сравнительного падежей одинаково представлена флексия -*х*.

Таким образом, относительно древние флексии засвидетельствованы в бацбийском языке и в чеберлойском диалекте чеченского языка. Кроме того, древние флексии в формах некоторых падежей наблюдаются в хилдихаройском (с. Омало) и шаройском говорах чеченского языка.

В основах личных местоимений 1-го и 2-го лиц единственного и множественного чисел наблюдаются следующие фонетические изменения: в именительном падеже дифтонг *уо* чеченского и ингушского языков соответствует краткому лабиализованному монофтонгу *о* бацбийского языка. Дифтонг *уо* ← *уа* в ряде наречий чеченского языка (в чеберлойском, шаройском, хилдихаройском, майстинском) в односложных словах типа открытого слога дает монофтонг *о*.

По видимому, аналогичному изменению подвергся дифтонг *уо* в бацбийском языке во всех позициях. Монофтонгизацию дифтонга *уо* → *о* в бацбийском языке, хилдихаройском (с. Омало Ахметского района Груз. ССР) и майстинском (с. Джоколо Ахметского района Груз. ССР) говорах кистинского диалекта чеченского языка можно было бы объяснить влиянием грузинского языка, если бы данное явление не наблюдалось частично и в других диалектах чеченского языка. Следовательно, более древними формами именительного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лиц единственного числа следует считать *суо*, *хьюо*, которые в свою очередь - восходят к *суа*, *хьюа*, но наличие в эргативном падеже форм *а*:- *са(я)*, *а*:- *хья(ты)* дают нам возможность предполагать, что в именительном падеже наличествовали формы *са*, *хья*, существовавшие, возможно, наряду с формами *суа*, *хьюа*. Значит, надо полагать, что формы *суа*, *хьюа* образовались от форм *хья*. Но формы *суа*, *хьюа* можно получить лишь в том случае, если за формами *са*, *хья* следовал бы элемент *уа* (или *ун*). Значит, в именительном падеже наличествовали формы *са-уа* (или *да-ук*), *хья-уа* (или *-хья-ук*), от которых могли образоваться и современные формы *суо*, *хьюо* (-ср. абхазское *са-ра* - я, *уа-ра* - ты, *хла-ра* - мы, *ша-ра* - вы).

Данное предположение подтверждается нарицательными существительными в нахских языках. Например: *хлюо* и *хла-ваъ* (воздух), одинаково употребляемые в чеченском языке (в ингушском *фу*), в которых *хлюо* несомненно происходит от *хлаваъ* (ер. грузинское *хлава* - воздух, климат).

От именительного падежа образовались дательный (посредством флексии -на), на-
вительный (-ги), совместный

(-щи^н), вещественный (-х) и сравнительный (л← лла) падежи.

О формах родительного и эргативного падежей см. ниже.

Гласные и (е)в вышеозначенных послелогох в соответствующих диалектах и говорах чеченского языка вызывают палатализацию дифтонга *yo←ya* основы именительного падежа. В результате чего на месте *yo* в отмеченных послеложных формах представлены те гласные, которые даются в таблицах: *o:ь* (чеченский плоскостной), *oь* (хилдихаройский), *yo:ь* (шато-
ский), *yьe* (итумкалинский), *вьe* (хилдихаройский, с. Омало), *уe:* (майстинский, с. Джоколо) [3]. Аналогичные процессы имеют место в личных местоимениях 1-го лица множественного числа *txuo*, *txo* (эксклюзивная форма) – мы.

Инклюзив 1-го лица множественного числа *вай* (мы) в вышеозначенных падежах может дать *вей*, то есть под влиянием *й a→e* (*ай→ей*).

Особенности форм личного местоимения 2-го лица множественного числа *шу* (вы) за-
ключаются в следующем:

1. В именительном и родительном падежах представлена основа *шу* во всех нахских язы-
ках и диалектах.
2. В остальных падежах флексии в ряде диалектов и говоров присоединяются к основе
шу, но в некоторых диалектах (говорах) на месте *шу* выступает *шуо←шуа*, отсутствую-
щие в формах именительного и родительного падежей.

Исходя из выше изложенного, можно предположить, что основа *шу*, представленная
как в именительном и родительном, так и в других падежах, восходит к *шуо←шуа*, а также
можно допустить, что в именительном падеже мы имели две формы: *шу*, *шуа←шуо*. Из этих
двух вариантов предпочтительнее исходить из наличия варианта с формой *шу*.

В дательном падеже мы имеем формы:

в чеченском:

шу-на, *шу-не*, *шуо-на* (диалектные варианты),

в ингушском:

шоа-на,

бацбийском:

шу-н (вам);

в чеченском:

шу-не←шу-на←шуо-на←шуа-на;

в ингушском:

шоа-на←шуа-на,

в бацбийском:

шу-н← шу-на.

В остальных падежах в роли производящей основы выступает *шу* или *шуо*, исходные
гласные элементы которых так же, как и в формах личных местоимений 1-го и 2-го лиц
единственного числа, могут испытывать палатализацию. Исходные формы родительного и
эргативного падежей личных местоимений 1-го и 2-го лиц следующие:

1. Родительный падеж

В формах родительного падежа 1-го и 2-го лиц единственного числа в чеченском языке
с e^н →с a^н →са; *хьe^н →хьa^н →хьa*, следовательно, в исходном положении изменяется суффик-
сальный элемент гласных, то есть *e^н →a^н →a*, который в ингушском языке даетə.

В бацбийском языке, как и в чеберлойском диалекте чеченского языка, представлена
более древняя форма *се^н←сен*.

Аналогичные процессы засвидетельствованы в формах родительного падежа эксклюзи-
ва 1-го лица множественного числа. Следовательно, формы *се^н*, *хьe^н*, *тхе^н* восходят к *сен*, *хьен*,
тхен. Таким образом, наряду с основами *суo*, *хьuo*, *тхuo*, представленными в форме имени-
тельного падежа, в формах родительного падежа *сен*, *хьен*, *тхен* мы имеем самостоятельные

образования, служащие для передачи принадлежности и притяжательности: *суо* (я), *се* (мой). Следовательно, надо полагать, что личные местоимения 1-го и 2-го лиц родительного падежа являются притяжательными по происхождению, а флексия *е* – притяжательной частицей [4].

Означенные формы личных местоимений 1-го и 2-го лиц образовали систему наряду с восстановленными неопределенными формами именительного падежа *са*, *хьа* (см. ниже), а не от форм *суо*, *хьуо*: *са-с-е*, *хьа-хь-е* и т.д.

В формах родительного падежа 2-го лица множественного числа в чеченском языке *шу* ← *шун* ← *шун*; в бацбийском *шу* ← *шун*. В ингушском языке мы имеем форму *шун*. Следовательно, более древняя форма представлен в ингушском языке, а также в некоторых диалектах и говорах чеченского языка (хилдихаройский и майстинский говоры кистинского диалекта; хилдихаройский и шаройский говоры горского диалекта; чеберлойский диалект).

2. Эргативный падеж

В формах эргатива 1-го лица единственного числа в чеченском языке *а-са* → *а-с*: (*а*) → *а* → *са-з* в ингушском *а-з* ← *а-с(а)* ← *а-са* в бацбийском *ас* ← *а-са*. В ингушском языке и эрстхойском говоре галанчоужского диалекта чеченского языка в исходном положении глухие придыхательные спиранты становятся звонкими: *с* → *з*, *ш* → *ж* и т.д.

В формах эргатива 2-го лица единственного числа в чеченском языке *а-хьа* → *а-хь* → *Iа*; в ингушском *Iа* ← *а-хь*; в бацбийском *а-хь* ← *а-хьа*.

Появление *айна* (I) на месте объясняется тем, что в результате усечения фарингального *хь* твердый приступ гласных перешел в I.

В инклюзиве 1-го лица множественного числа наблюдается недифференцированное употребление номинатива вместо эргатива. В формах эксклюзива 1-го лица множественного числа в чеченском языке *а-ху* ← *а-тху* ← *а-тхуа* (*а-тха*); *а-ху* → *о*: *-ху* → *о*: *-ха*; в ингушском *оа-ха* ← *а-ху* ← *а-тху* ← *а-тхуа* (*а-тха*); в бацбийском *а-тхо* ← *а-тхо* ← *а-тхуа* (*а-тха*).

В форме *а-тхуа* имело место фонетическое изменение (лабиализация, упрощение комплекса *тх* → *х*, утеря гласного *а*). В формах эргатива 2-го лица множественного числа в чеченском языке *а-ша* → *а-иш*(*а*) → *а-ж*; в ингушском *оаиш* ← *а-шу*; в бацбийском *а-иш* ← *а-шу*, то есть *а-шу* ← *ауиш* ← *аиш*. Возможно, что в чеченском *а-ша*, в ингушском *оаиш*, в бацбийском *аиш* восходят к форме *а-шу* ← *а-шuo* ← *а-шуа*.

Форма эргатива в личных местоимениях 1-го и 2-го лиц единственного и множественного чисел занимает особое место в системе склонения нахских языков. Обособленность форм эргативного падежа, отличающая их от остальных форм, заключается в наличии впереди корневого согласного (или комплекса согласных) проклитической частицы *а* (*а*: *са* – я, *а*: *хьа* – ты, *а-тха* – мы, *а-ша* – вы), которая прибавлялась к исходным формам именительного падежа *са* (я), *хьа* (ты), *тха* (мы), *ша* (вы), существовавшим наряду с формами *суа*, *хьуа*, *тхуа*, *ьуа*. Как видно, формы *ш* и *суа*, *хьа*, *хьуа* и другие отличались друг от друга наличием в одних формах гласного *а*, а в других – дифтонга *уа*.

Надо полагать, что формы с гласным *а* (*са*, *хьа* и др.) являлись краткими, от которых посредством *уа* (или *у^н*) образовались полные формы *са-уа* (или *са-у^н*), *хьа-уа* (или *хьа-у^н*) и другие, давшие современные формы *суо*, *хьуо*, *тхуо*, *шу* (ср. абхазское *са-ра* – я, *уа-ра* – ты, *хIа-ра* – мы, *ша-ра* – вы и др.).

Надо полагать, что в формах именительного падежа 1-го лица единственного числа личных местоимений в абхазо-адыгских (в абхазском *са-ра*, в адыгейском *сэ*, в кабардинском *са* – я) и нахских (в чеченском и ингушском *суо*, в бацбийском *со* – я) языках имеет место материальное сходство [6]. Исходя из вышеизложенного, мы считаем фактически возможным образование означенных определенных (полных) форм от неопределенных (кратких). Как отмечает А.С. Чикобава, не различение именительного и эргативного падежей в аварско-андийско-дидойских языках — более древнее явление, чем различение [6]. Следовательно, различение (дифференцированность) номинатива и эргатива в личных местоимениях 1-го и 2-го лиц нахских языков – явление вторичное. В этом отношении исключение составляет инклюзив 1-го лица множественного числа, в котором недифференцированное использование но-

минатива вместо эргатива следует считать первичным явлением. Парадигмы склонения показывают, что личные местоимения 1-го и 2-го лиц, исключая инклюзивную форму 1-го лица множественного числа, склоняются в целом по одному типу.

Основные различия; в склонении создают формы эргативного падежа. Такое своеобразие форм эргативного падежа встречается только в личных местоимениях.

Древние (восстановленные) формы личных местоимений 1-го и 2-го лиц

падежи	1-ое лицо	2-ое лицо
Им.	Са, суа (я)	Хьа, хьуа (ты)
Род.	Сен	Хьен
Дат.	Суа-на	Хьуа-на
Эрг.	А-суа Суа-ци" Суа-ги <i>Суа-х</i>	А-хьуа Хьуа-ци" <i>Хьуа-ги</i> <i>Хьуа-х</i>
	Суа-лла	Хьуа-лла

Множественное число

падежи	1-е лицо (инклюзивная форма)	2-е лицо (эксклюзивная форма)	2-е лицо (эксклюзивная форма)
Им.	Вай (мы)	Тха, тхуа (мы)	Ша, шу←шуа (вы)
Род.	Вайн	тхен	шун
Дат.	Вай-на	тху-на	шу-на
Эрг.	вай вай-ци" вай-ги вай-х вай-лла	а-тхуа тхуа-ци" тхуа-ги тхуа-х тхуа-лла	а-шуа, а-ша, а-шуа шу-ци" шу-ги шу-х шу-лла

Из других падежей своими особенностями обращают на себя внимание формы родительного падежа (см. выше). Во всех остальных косвенных падежах в качестве склоняемой основы выступает форма именительного падежа: в единственном числе *са, суа* – я; *хьа, хьуа* – ты; во множественном числе *вай* – мы (инклюзивная форма); *тха, тхуа* мы (эксклюзивная форма); *шу ← шуа* – вы. От форм родительного и эргативного падежей личных местоимений 1-го и 2-го лиц не образуется ни один из основных «и послеложных падежей, так что эти падежи стоят обособленно в системе склонения.

Заключение

На основании семантической специфики местоименной лексики в нахском языкознании выработана ее классификация по логико-семантическим признакам, содержащая такие разряды как дейктические (личные и указательные). Класс местоимений обладает в нахских языках, помимо семантических, рядом морфологических особенностей. В сфере личных местоимений выделяется суффикс-детерминант - н в форме абсолютива (именительного падежа), а также нерегулярное образование косвенной основы и нестандартные формы эргативного и родительного падежей. Здесь налицо нейтрализация оппозиции именительного и эргативного падежей, в то время как индоевропейские языки именно в сфере личных и вопросительных местоимений, например, английский язык, демонстрирует противопоставление номинатива и аккузатива. Местоимения 3-го лица, как правило, формально не отделяются от указательных местоимений, что приводит описательные грамматики к формулировкам типа «роль личных местоимений 3-го лица выполняют указательные местоимения».

В нахских языках к личным принято относить лишь местоимения 1-го и 2-го лица, в то время как функции местоимений 3-го лица здесь выполняют субстантивированные указательные местоимения. В то же время в ряде языков местоимения 1 лица множественного числа различают формы эксклюзива и инклюзива. Из словообразовательных возможностей личных местоимений следует отметить образование от них возвратных местоимений 1-го и 2-го лица в (при самостоятельной основе третьего лица). В работах, посвященных местоимениям приводятся примеры функционирования местоимений различных разрядов (хотя и без дополнительной экспликации) в роли подлежащего (как правило, личные местоимения), именной части составного именного сказуемого (притяжательные и другие местоимения), прямого и косвенного дополнения (личные местоимения и нек. др.), обстоятельства (падежно-последовательные формы личных местоимений).

Список источников

1. *Вейрейх У.* О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. 5. М.: Прогресс, 1970. С. 163–249.
2. *Гринберг Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. 5. М.: Прогресс, 1970. С. 114–162
3. *Имнайшвили Д.С.* Некоторые виды ассимиляции гласных в языках нахской группы языков. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1962.
4. *Куркиев А.С.* Личные, указательные и вопросительные местоимения в нахских языках // Известия ЧИНИИЯЛ. Т. IV. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1966.
5. *Ломтадзе Э.А.* Структура и склонение указательных местоимений в языках дидойской группы (Сравнительно-исторический анализ) // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1956. Т. 8. С. 269–305.
6. *Чикобава А.С.* К склонению местоимений аварского языка. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1942. С. 38.

References

1. *Veyreich U.* On the semantic structure of the language // New in linguistics. No 5. Moscow: Progress, 1970, pp. 163–249.
2. *Grinberg J.* Some grammatical universals, mainly concerning the order of significant elements // New in linguistics. No 5. Moscow: Progress, 1970, pp. 114–162
3. *Imnaishvili D.S.* Some types of vowel assimilation in the languages of the Nakh group of languages. Tbilisi: Publishing House of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, 1962.
4. *Kurkiev A.S.* Personal, demonstrative and interrogative pronouns in the Nakh languages // Proceedings of Chechen national research institute. Vol. IV. Grozny: Chechen-Ingush book publishing house, 1966.
5. *Lomtadze E.A.* Structure and declension of demonstrative pronouns in didoic languages (comparative historical analysis) // Iberian-Caucasian Linguistics. Tbilisi, 1956, vol. 8, pp. 269–305.
6. *Chikobava A.S.* To the declension of pronouns in the Avar language. Tbilisi: Publishing House of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, 1942. P. 38.

Статья поступила в редакцию 19.03.2022; одобрена после рецензирования 30.03.2022; принята к публикации 10.04.2022.

The article was submitted 19.03.2022; approved after reviewing 30.03.2022; accepted for publication 10.04.2022.